

Е.Ю. Муратова

СМЫСЛ СЛОВА В СИСТЕМЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА

Проблема соотношения значения и смысла в языке и речи издавна волнует гуманитариев. К настоящему времени она оформилась в современную лингвистическую прагматику, «сфокусировавшую в себе все аспекты как теории неэксплицированных значений, деконтекстуализации «текста в тексте», так и знаковосмысловые вопросы герменевтики и экзегетики, а также концепции «языковых игр» Л. Витгенштейна...» [1].

Истоки современных концепций значения лежат в работах Г. Фреге [2], противопоставившего значение и смысл и заложившего основы логической и лингвистической семантики. Именно Г. Фреге впервые сформулировал мысль о том, что значение (*Bedeutung*) есть предмет, обозначаемый «знаком» или «собственным именем», смысл (*Sinn*) которого заключен в *информации*, характеризующей этот предмет либо тот способ, которым данный предмет или явление обозначается.

Языковое значение есть единица языкового сознания, а *смысл* принадлежит мышлению как более широкой категории, включающей в себя такие формы отражения действительности, которые не кодируются средствами языковой семантики. Лингвистическая сущность смысла есть актуализированное в речи языковое значение в сочетании со всевозможными видами внеязыкового содержания (Г.Г. Шпет, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Б.А. Серебрянников, Н.Ф. Алефиренко).

Декодирование смысла может быть произведено по уровням, которые А.В. Бондарко [3] определил как источники речевого смысла (другие ученые называют видами текстовой информации, уровнями смысловой структуры текста). Источниками речевого смысла художественного текста являются: 1) реализованное языковое значение; 2) структурно-композиционная информация, которая является условием актуализации смысловых элементов; 3) экстралингвистическая информация; 4) энциклопедическая информация; 5) скрытый смысл, являющийся наиболее гипотетическим и субъективным.

Смысл слова складывается, по нашему мнению, из нескольких основных пластов информации. Во-первых, это лексическое (системное) значение слова, которое представляет собой знание, общее для всех членов социума, а следовательно, оно обладает инвариантным содержанием, системным, нормативным, унифицированным и общественно-историческим характером. По идее А.Н. Леонтьева [4], значение – это то, что открывается в явлении или предмете объективно, то есть в системе объективно существующих связей и отношений, а затем фиксируется в языке, приобретая при этом устойчивость и *входя в содержание общественного сознания*.

Во-вторых, это индивидуальное (психолингвистическое) значение, складывающееся на основе личного опыта индивида. В этом случае семантика слова как внутреннего ментального образования формируется в контексте

деятельности конкретного субъекта, а следовательно, значение как достоинство индивида представляет собой форму обобщения действительности, в которую включены социальные стереотипы, житейские представления, нормы поведения и т.д.

В-третьих, в формировании смысла слова значительную роль играет коллективное бессознательное, которое К. Юнг определил как «весь тот психический материал, который не достигает пороговой отметки сознания» [5].

Для поэтических произведений наиболее важен и интересен скрытый, эмплитно не проявленный смысл, т.к. в поэзии в наибольшей степени мы имеем дело с проявлением творческого начала, явлением духовной природы, «с чем-то запредельным, необъяснимым, но облаченным в «земные одежды», зашифрованным в средствах ... » [6].

В. Гумбольдт впервые четко обозначил ряд ключевых положений проблемы реконструкции трансцендентных смыслов – смыслов, лежащих за пределами слова. Он сформулировал мысль о том, что смыслы независимы и первичны по отношению к языку. Этим он придал миру смыслов статус независимого объекта, предвосхитив некоторые идеи З. Фрейда и К.Г. Юнга. В. Гумбольдт отметил сокрытость этих смыслов от человеческого рассудка, при этом он обратил внимание на принципиально важное обстоятельство: язык не в силах выразить Несказанное, но он способен помочь в него проникнуть: «...человек чувствует и знает, что язык для него – только средство, что вне языка есть невидимый мир, в котором человек стремится освоиться только с его помощью. Для самого повседневного чувства и самой глубокой мысли язык оказывается недостаточным, и люди взирают на этот невидимый мир как на далекую страну, куда ведет их только язык, никогда не доводя до цели. Всякая речь в высоком смысле слова есть борьба с мыслью» [7]. В бессознательной части психики смыслы отличаются от рациональных и по организации и по сущностным характеристикам.

Таким образом, в формировании смысла слова (в первую очередь в поэтическом тексте) огромную роль играет область бессознательного в человеческой психике, которая после З. Фрейда предстала как грандиозный подводный архипелаг умалчиваемого и невыразимого. К.Г. Юнг, кардинально пересмотрев теорию З. Фрейда, выдвинул положение о существовании в человеческом бессознательном особых образных праформ, главную черту которых составляет то, что они никогда не были в сознании человека и, следовательно, никогда не были приобретены индивидуально: «они обязаны своим бытием исключительно унаследованию». При этом они имеют всеобщий характер: будучи идентичными у всех людей, независимо от языка, на котором они говорят, или их культуры, они составляют универсальное психическое основание жизни всех и каждого. Эти образы К. Юнг назвал изначальными образами, или архетипами коллективного бессознательного, лежащими в основе всей психической деятельности человека. «Изначальные образы, – писал он, – это наиболее древние и наиболее всеобщие формы представления человечества. Они в равной мере представляют собой как чувство, так и мысль...» [5, с. 106]. В силу бессознательности и вследствие диффузности (чувство и мысль) архетипы оказываются недоступными для языковых выражений.

Серьезное внимание «открывающемуся» и «закрытому» уделял П.А. Флоренский. Он считал, что в тексте существуют характерные обороты речи, которые представляют собой «корни мысли», уходящие в глубину еще непознанной действительности, «истоки жизни», «источные ключи мыслей, струящиеся из домысленных глубин», «течения мысли, просачивающиеся... на поверхность исторического сознания». Форма произведения, проступив-

шая наружу из глубин невидимого не есть повторение в точности «предмета» изображения. Это не сама вещь, а то, что выступило на поверхность в процессе творчества, открылось под воздействием «мысле-движущей силы писателя». П.А. Флоренский утверждал, что содержание слова – это выведенные на поверхность сгустки мысленной материи и поэтому понять слово до конца невозможно даже самому автору. «Сочинитель не есть надежный толковник своего труда...Ему, как и читателю, приходится извне подходить к своей книге, предварительно забыв возможно полнее и свои радостные волнения, и объединенные ими мысли», – пишет П.А. Флоренский [8]. Он считал, что между тем, что воплотилось в слове и самим словом существует отличие, которое не дает возможности приравнять одно к другому. Здесь обнаруживается бессилие разума: система механизма познания несовместима, неадекватна материалу познаваемого: объяснительные возможности разума ограничены, когда речь идет о творческих силах, скрывающихся в домысленных глубинах. Для нас главным во взглядах П.А. Флоренского является не его агностицизм, а признание «домысленных глубин», которые способны хотя бы «отголосками» проявляться в слове.

Проблема трансцендентных содержаний, находящихся по ту сторону языка и языкового мышления, впервые была строго сформулирована и обоснована в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна. Замысел своей книги автор определил так: «...провести границу мышления, или, скорее, не мышления, а выражения мысли: ведь для проведения границы мышления мы должны были бы обладать способностью мыслить по обе стороны этой границы (то есть иметь возможность мыслить невысказанное)» [9]. По убеждению Л. Витгенштейна, трансцендентная область составляет глубинное содержание всего, о чем можно сказать. Именно в этой сфере лежат познавательные истоки жизни.

Таким образом, в работах В. Гумбольдта, в теории бессознательного З. Фрейда и К. Юнга, в идеях П.А. Флоренского, в философской теории Л. Витгенштейна была выявлена область трансцендентных содержаний – психика человека, установлена их особая «праобразная» природа, определены единицы трансцендентного мира – архетипы. При этом было утверждено отсутствие непреодолимых границ между сознанием и бессознательным, область языкового мышления и трансцендентной областью.

Трансцендентные содержания в обычных условиях «не могут быть ни осмыслены человеком в их целостности, ни выражены средствами естественного языка. Но они могут быть воссозданы как совокупности определяемых у них содержательных характеристик» [10]. Поэзия в этом плане занимает особое место. Она, по мнению философов, в частности, М. Хайдеггера, призвана явить собой сущность искусства. Поэтический язык находится в состоянии репрезентации, он способствует формированию неязыковых слоев, т.е. структур сознания, поэтому поэзия представляет собой ту область творческой деятельности человека, посредством которой он получает возможность хотя бы отчасти «проникнуть» в область трансцендентности.

Докажем данное утверждение анализом некоторых поэтических текстов. Так, у А. Вознесенского [11] есть следующие строки: *Тьма ежей любого роста / мне иголками грозила. / Я на дух надел наперсток. / Жмет, конечно. Но красиво.* В данном выражении можно условно выделить два смысловых инварианта: «реальный мир» и «духовный мир». Первый представлен лексемами *надел, наперсток, жмет*; второй – лексемой *дух*. Между лексемами возникают нелинейные отношения, поскольку их значения взаимонакладываются друг на друга, в результате чего возникают новые смыслы выражения, но их вербализация объективно не может быть полностью адекватной им. Попытаемся в какой-то степени приблизиться к тем внеязыковым содержаниям, которые воплощены в данном выражении, опираясь на прямые

(словарные) и переносные значения данных лексем. Выявляются следующие смыслы: 1) ограничение (вплоть до уничтожения) своей духовной свободы; 2) сущ. *наперсток* воплощает внешние условия жизни, ради которых уничтожается дух: карьера, богатство, выгодная женитьба и под.; 3) глагол *жмет* передает чувство душевного дискомфорта, т.е. человек что-то главное в себе предал, но это его постоянно мучает; 4) выражение *Но красиво* отображает внешнее благополучие лирического героя, которое ему нравится (что подчеркивается и грамматическим оформлением мысли); 5) хоть и *жмет наперсток*, но с этим вполне можно жить. Соединение двух разных глубинных инвариантов в пределах одного высказывания создало новую семиологическую целостность, в рамках которой возникли новые, понимаемые и чувствуемые, но дословно не передаваемые смыслы.

Такой тип сочетаемости может играть структурообразующую роль в поэтическом произведении. Так, в стихотворении А. Вознесенского «Неба бы...» противопоставление формы и содержания до предела обостряет смысл, который хочет передать поэт: *В магазин зашел: «Алло! / Дайте неба полкило»... / Продавщица ответила: «Сочувствую. / Вместо хлеба нам насущного / отпустить могу вам смога. / Но немного» / ... Человек ушел без неба / в безнебесные места. / У моста слепые требуют: / «Подайте неба, ради Христа».* В данных строчках также выявляются два основных инварианта: «реальная жизнь», представленная лексемами *хлеб насущный, полкило, смог, магазин, алло* и «духовная жизнь» – *небо, Христос*. Нестандартная сочетаемость почти всех лексем создает условия для возникновения и проявления следующих смыслов: 1) в реальной жизни (*магазин*) у лирического героя огромная потребность в духовности (*дайте неба*); 2) лексемы *дайте* и *полкило* рождают сомнение в истинности такой потребности, поскольку духовность не дают, тем более по полкило, ее нужно выстрадать; 3) непонимание окружающих (*продавщица*), определенное сочувствие без понимания: предлагается *смог* – грязный, но все-таки воздух, в каком-то смысле – часть *неба*; 4) опустошенность души – *безнебесные места*; 5) он не одинок в своей потребности иной духовной жизни – *слепые требуют*; 6) почему *слепые*? Потому что тоже живут в *безнебесном* пространстве. В конечном итоге все отдельные возникающие смыслы объединяются глубинным библейским инвариантом «нищие духом», через который «мерцает» трансцендентное содержание одиночества человека в мире, потребность самосовершенствования, поиск пути к высшей силе в себе и в мире.

Яркие примеры такого типа трансмерных связей лексем находим в творчестве многих поэтов: 1. *Какой мне вымысел надышишь?* 2. *Я беспечна и ем ненаглядность.* 3. *Зима отслужила безумье каникул своих.* 4. *Нацель в меня прыжок.* 5. *...скопил характер.* 6. *...субботу народ затевает.* 7. *... я нырну за стихом.* 8. *Такою тоскою с Оки задувает.* 9. *Опять я пью настой ее души.* 10. *...привить ожог чужбин Со лба сотру воспоминанье. Предстояла сирень, и сильней и скорей. Родную брэнность не пора ль проведать? Фиалки прожила и проводила в старость / уменье медуниц изображать закат.* 11. *Медведица, вы для какой забавы / в детеныше влюбленными зубами / выщелкивали Бога, словно блох? 12. Каких лекарств, мещанств / наелась я, чтоб не узнать Гвидона? [12].*

1. *Мы с тобою летим сквозь друг друга, / как две сшибшихся стаи птиц.* 2. *Иногда мне так хочется / спрятаться в детство.* 3. *Я так люблю вглядываться глазами / в твое лицо.* 4. *Есть в мире такой городок – Чусовой, / где рядом все чудится мне часовой / на лагерной вышке, пустующей там, / где, может, в бессмертие вмерз Мандельштам [13].*

Процесс появления новых и проявления трансцендентных смыслов может быть отчасти представлен и «раскодирован» собственно языковыми механизмами. Проиллюстрируем эту мысль некоторыми примерами из М. Цветаевой [14]: 1) *Зубочистками кончаются наши романы / С гастрономами;* 2) *Шорохами опояшусь, Шелестами опушусь;* 3) *Ты в глаза мне вбрызнул смех, / Ты мазурку мне вбрызнул в жилы;* 4) *Днепром разламывая лед / Русь – Пасхую к тебе плывет;* 5) *Не устанем / Мы – доколе страсть есть! / Мстить мостами.* Везде в данных строчках наблюдается диффузное наложение разных семантических областей, которое осуществляется следующими языковыми средствами: при фазисном глаголе *кончатся* и психическом *мстить* появляются не пропозитивные, а предметные дополнения – *зубочистками, мостами*; при глаголах физического действия *опоясать, опустить, вбрызнуть, разламывать* – непредметные существительные. Как тонко заметила Н.Д. Арутюнова [15], конкретное дополнение при глаголе психического действия прочитывается как свернутая пропозиция, а пропозитивное существительное при конкретном глаголе ведет к дематериализации глагола. В нашем конкретном случае: *мстить мостами* – мстить тем, что *кто-то* (чаще – родной и близкий человек) бросится с моста; *вбрызнуть смех, мазурку* – наполнить радостью и счастьем.

Как видим, язык поэзии является тем своеобразным «инструментом», посредством которого человек расширяет и изменяет свое обыденное сознание; получает возможность увидеть мир, «в который еще не вторглись острые клыки пространства и времени» [16].

Все три названных выше типа информации в разной степени «принимают участие» в формировании смысла при функционировании слова в естественном языке. В поэтическом языке индивидуальное значение (как выражение личности и автора и интерпретатора) и трансцендентные содержания играют важнейшую роль, поскольку именно они решают сверхзадачу любого художественного произведения – преобразование человеческого сознания, направление его к новым, более масштабным содержательным категориям, формирование особого способа ментального освоения мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Михневич, А.Е.** Значение – смысл: диссипативный процесс / А.Е. Михневич // Русский язык: система и функционирование: материалы межд. науч. конф., Минск, 18–19 мая 2004 г.: в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2004. – Ч. 1. – С. 39.
2. **Фреге, Г.** Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – М., 1977. – Вып. 8. – С. 181–210.
3. **Бондарко, А.В.** Грамматическое значение и смысл / А.В. Бондарко. – Л., 1978.
4. **Леонтьев, А.А.** Слово в речевой деятельности / А.А. Леонтьев. – М., 1965.
5. **Юнг К.Г.** Психология бессознательного / К.Г. Юнг. – М., 1994. – С. 179.
6. **Авдевина, О.Ю.** Толкование смысла как метод исследования художественного текста / О.Ю. Авдевина // Принципы и методы исследования в филологии: Конец XX века: сб. ст. науч.-метод. семинара «TEXTUS». – Вып. 6; под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. – СПб.–Ставрополь, 2001. – С. 128.
7. **Гумбольдт, В. фон.** Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – М., 1985. – С. 378.
8. **Флоренский, П.А.** Пути и средоточия / П.А. Флоренский // У водораздела мысли / П.А. Флоренский. – М., 1992. – С. 26.
9. **Витгенштейн, Л.** Философские работы: в 2 ч. / Л. Витгенштейн. – М., 1994. – Ч. 1. – С. 427.
10. **Берестнев, Г.И.** Слово, язык и за их пределами: монография / Г.И. Берестнев. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2007. – С. XXIII.
11. **Вознесенский, А.** Лирика / А. Вознесенский. – М.: Эксмо, 2007.

12. **Ахмадулина, Б.А.** Друзей моих прекрасные черты: стихотворения / Б.А. Ахмадулина. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999.
13. **Евтушенко, Е.** Медленная любовь: Стихотворения и поэмы / Е. Евтушенко. – М., 1998.
14. **Цветаева, М.И.** Собрание сочинений: в 7 т. / М.И. Цветаева; сост., подг. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994–1995.
15. **Арутюнова, Н.Д.** Предложение и его смысл / Н.Д. Арутюнова. – М., 1976.
16. **Судзуки, Д.Т.** Основы дзэн-буддизма / Д.Т. Судзуки // Дзэн-буддизм. – Бишкек, 1993. – С. 63.

S U M M A R Y

The article researches how the sense of a word correlates with its meaning. The author describes the main up-dated conceptions of word meanings and proposes his own view on how new profound word senses appear in a poetic text.

Поступила в редакцию 10.03.2008